

Дайте подсудимому нож!

Прятели по пьянке ли, супруги ли из ревности втыкают в пылу гнева кухонный нож в чужое тело, внезапно ставшее ненавистным. Иногда с проникновением в грудь или живот. Кровь, слёзы раскаяния, скорая помощь, операционный стол... Похмельно-ревнивый угар рассеивается, и примирение наступает еще до снятия швов с ножевой и хирургической ран. А преступление - умышленное причинение тяжкого вреда здоровью остается. Тюремные ворота могут разлучить помирившихся на несколько лет. Начинаются судорожные поиски выхода на «нашу» сторону тюремной решетки. Один из возможных заключается в том, чтобы убедить следствие и суд в неосторожном причинении раны. Тогда есть шанс добиться условного наказания, то есть избежать «неба в клеточку». Не обладая специальными познаниями в судебной медицине или врожденной сообразительностью, бывшие противники придумывают такие небылицы, что даже следователь начинает воспринимать их как вешание лапши на уши. Устав стряхивать с ушных раковин спагетти, он вынужден обращаться за помощью к судебным медикам с вопросом: «Возможно ли возникновение раны при обстоятельствах, на которые указывают потерпевшая и нападающая стороны?». Большинство врачей предпочитает отмахнуться: «Да, возможно». Я всегда относился к меньшинству и предлагал провести для разрешения этого вопроса комиссионную экспертизу. Если следователь соглашается, то после изучения материалов дела (протоколы допросов, в которых излагаются явно надуманные нелепицы, протокол осмотра места происшествия и пр.), исследования ножа, поврежденной одежды, карты вызова скорой помощи, истории болезни, послеоперационного рубца на теле пострадавшей стороны выполняется с моим участием и картонным ножом проверка показаний на месте или следственный эксперимент. В ряде случаев, благодаря столь кропотливой работе, удавалось перевести экспертный вывод из вероятной формы в категорическую: «Нет, исключается».

Наиболее яркие придумки незадавших соперников остаются в памяти. Например, муж, видимо решив помочь жене по хозяйству, поставил посредине избы на пол таз с картошкой и попросил у нее нож. Та, торопясь услужить добровольному помощнику, метнула, не глядя, нож в сторону таза. Муж в радостном нетерпении бросился чистить картошку, но споткнулся и упал на таз, где его грудь пронзил нож, торчащий острием вверх.

Однажды по такому же поводу я был вызван в суд. Заседание проходило в малюсенькой комнате в атмосфере, которую можно назвать почти домашней. Судья - приятный мелкий старичок пенсионного возраста и добродушнейшего вида - восседал за длинным столом и терпеливо уже второй день пытался добиться от подсудимого, каким образом он причинил сожительнице проникающую рану живота. Подсудимый, худощавый смуглый молдаванин, сидел у самого выхода на стуле без смиренных наручников и металлической оградки. Таковые, видимо, должен был компенсировать милиционер на соседнем стуле, по внешнему облику смахивавший на крестьянина в седьмом поколении. Из такого деревенская основательность и неторопливая рассудительность будут выпирать, даже если нарядить его в царское платье.

Михай, приехавший когда-то на заработки в Россию, обрусел до Михаила и, подженвшись на бездетной хохлушке Катерине, остался в Сибири навсегда. Подсказанную адвокатом ситуацию он излагал живо и сочно, заменяя междометиями и жестиком целые фразы. По его легенде получилось, что он миролюбиво нарезал на кухне хлеб к ужину. Жена, вернувшаяся из магазина, на пороге воскликнула что-то типа: «Я люблю тебя, милый!» и нетерпеливо бросилась к нему с объятиями. Он, преисполненный не менее пылкими чувствами, резко повернулся к ней навстречу, держа нож в правой руке. Катя бессильно повисла у него на плечах, так как нож вошел в живот

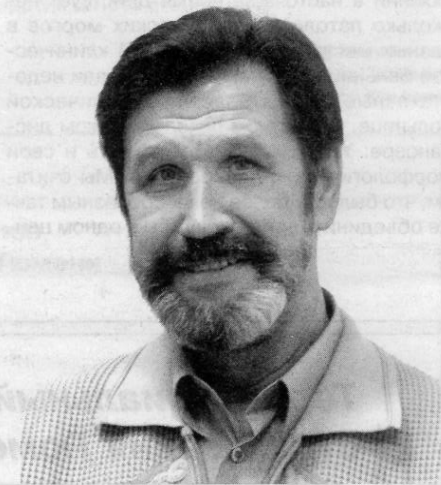
Встать! Суд идёт!

(истории с продолжением)

по самую рукоятку.

На уточняющие и «раскручивающие» вопросы судьи Михаил вновь «прогонял» заученную картинку, но в силу южного темперамента невольно выдавал себя мелкими, казалось бы, противоречиями и лирическими отступлениями. Непродуктивный диалог между глухим и слепым повторился в моём присутствии несколько раз и в различных вариациях. Секретарь усердно строила протокол. Не знаю только, как она переводила на русский язык яростные жесты и недоговорки подсудимого? Пострадавшая, которой совестливость не позволяла врать напрямую, старалась подменить свой рассказ ссылками на показания мужа. Избегая смотреть судье в глаза, она упорно и тихо твердила: «Да, как он сказал». Наконец судебная машина выдохлась, забуксовав под явно развесистой клюквой. Запутавшись в скользких привираниях и устав от борьбы с объединившимися супругами, судья обратился за помощью ко мне со стандартным вопросом: «Могла ли проникающая рана живота быть причинена при обстоятельствах, на которые указывают подсудимый и потерпевшая?». Я, вместо «да, могла», стал академически нудно объяснять, что для разрешения этого вопроса необходимо назначить комиссионную экспертизу, в ходе которой... и т.д. (см. выше).

Судья, впервые столкнувшись с таким сложным способом решения проблемы, с интересом слушал меня. Чувствовалось, что в нём идёт напряжённая мозговая работа, и он пытается прорваться через мои учёные нагромождения к какому-то простому и понятному варианту. Осенило его, когда я добрался до эксперимента с ножом. Он встретился и начал лихорадочно листать уголовное дело, добираясь до последней «корки», где обычно приклеивается бумажный карман, в котором хранятся паспорт подсудимого, медицинские доку-

манчика кухонный нож и воскликнув: «Что же мы мучаемся-то? Дайте ему нож - пусть покажет!», неожиданно протянул его мне, стоящему за трибуной между судьейским столом и подсудимым на расстоянии вытянутой руки. Старик сделал это почти с молдавским азартом. Я, невольно повинувшись его непосредственности, сделал движение рукой навстречу. Но молнией блеснула опережающая сценка: вооружённый мной Михай, убегаая, вонзает нож в крестьянина-милиционера. Одним словом, что-то вроде картины Григория Мясоедова «Побег Григория Отрепьева из корчмы на литовской границе». Помните, молодой Лжедмитрий I в белой рубахе навывпуск летит в прыжке к окну корчмы с ножом в правой руке размером этот с пол-локтя¹. И отшатнувшиеся от него в ужасе бородатые собутыльники.

Моя рука, рванувшаяся навстречу ножу, повисла в воздухе. Я перевёл её в плавный жест в сторону подсудимого и, чуть не коснувшись его в тесном зальчике, выдавил из себя: «Нет уж, Вы лучше сами Ваша честь!».

¹ Локоть - старинная русская мера длины, равная приблизительно 0,5 м.

№ 5 (72), 21 марта 2006 г.

8